Д АВНО пережитое возвраща-

Гомон вороньей стаи раздался однажды ранним утром в те далекие годы моего отрочества весной сорок второго. Птицы тревожно кружили на краю аила. В глубокий овраг у подножия горы обрушился со склона чудовищный оползень, переполнив своей ударной массой извечный ров на том месте, куда так часто, бывало, бегала окрестная детвора. Небольшое стадо овец и пастушонок, подавшиеся сюда с утра, остались навечно погребенными на дне балки. И именно эта геологическая катастрофа явилась причиной панического ора птиц и людей, ибо все живое осязает возможность своего существования лишь тогда, когда незыблема сама земля. Помню, какое потрясение изведал я в тот час: обезумевшие женщины истошно кричали, срывая платки с голов, что это знак беды-гора, как дикий конь, кинулась в пропасть, - что это наказание Бога, конец света! И что покинуты они, вдовы горемычные, брошены с детьми, а мужья гибнут на фронте, и не на чем пахать землю, и некому бросать семена. И осталось только сги-

И не смолкали вороны над головой, разрывая душу отчаянным граем.

нуть всем куда глаза глядят,

всем родом, всем племенем...

Я, четырнадцатилетний секретарь сельсовета, шел на кузницу к старикам посоветоваться, как быть, как вручить находившиеся в моей сумке на боку еще с дюжину похоронок с военными печатями, полученными накануне в райцентре. И не было предела моей недетской скорби, полной безысходности, страха, тоски и от тяжелой ноши моей на боку, и от обвала горы на краю аила. А вороны, слетавшиеся отовсюду, все орали над оползнем, исказившим лик земной поверхности, все кружили и надрывались в плаче за всех твареи на свете и за людей в том числе, оглашая окрестности горестно клокочущим, долго не смолкающим эхом.

СПУСТЯ многие десятилетия это эхо обернулось однажды кошмаром. Приснились мне неутешно кричащие вороны в тот день, когда я очутился в Оше, в прошлом злосчастном году, в начале июня. Причудилось мне, когда я вдруг задремал после напряженного перелета из Москвы в Ташкент, из Ташкента в Ош, будто и я парю над землей в гомонящей стае вороньей, кричу и плачу от горя, а внизу тот страшный оползень, скинувший гору в пропасть, еще в дыму и грохоте. Стонут женщины, срывая платки с голов, и как тогда, как многие годы тому назад, саднило сердце болью и ночь душила тьмой. И все никак не мог я освободиться от стеснявшего ремня полевой сумки, набитой, как камнями, тяжестью похоронок с печатями... Не хватало воздуха, обдавало жаром... Вскоре прибежал врач «скорой с обезумевшими от бессонницы глазами, в изодранм окровавленном халате. спех измерил давление, сделал укол и с охранявшими его солдатами снова умчался на «газике».

тами снова умчался на «газике». Доносились выстрелы, резкие выкрики, звонили со всех сторон — в окрестностях, в пригородах, в районах, особенно в Узгене, много убитых, раненых, всюду пожары, погромы, люди бегут, ища спасения сами от

То была «варфоломеевская ночь» между узбеками и кыргызами, черная ночь судьбы нашей! Не предполагал, не подозревал, не думал, что стрясется такое, как тот оползень подвороным граем, исподволь под-

мытый разрушительной влагой. И вот минул год. Не хотелось бы теперь, когда ошское население, включая и кыргызов, и узбеков, сумело, пережив столь кровавую трагедию, превозмочь боль и обиды, шагнуть на тропу привосстанавливая тем мирения, самым вековые традиции единого, по сути дела, этнического симбиоза, исторически сложившегося в древнем центре тюркоязычной Ферганы между горцами и равнинниками, теперь, когда кыргызы и узбеки ходят в дома друг к другу, сообща поднимают разрушенные стены, отвергнув утробный зов возмездия и сведения счетов, не хотелось бы теперь, когда все это измерено столь изведано и тяжкой ценой, снова бередить старые раны.

О прошлогодних роковых событиях уже достаточно сказано — и правдивого, и ложного, и доброго, и злонамеренного. Река бессмысленной смуты пошла на убыль. А начиналось все со слова, но об этом ниже.

В республике и области предстоит незамедлительно решать прежде брошенные на самотек острые социальные проблемы, послужившие запалом конфликта. Это отдельный разговор, как решать конкретную беженскую, жилищную, молодежцую, национально-кадровую, языковую и другие неотложные проблемы, каждая из которых — чрезычайный вопрос межнационального бытия.

нального бытия.

В данном же случае разговор иной. Настала пора покаяний и раздумий, вынесенных из кромешных дней, из народной трагедии (обоюдной), и в том, что это стало возможным, заключено спасение, в том проявился разум, поборовший гнев и кипение мести и вновь обретший, поднимаясь над мраком «донных» инстинктов, свое высшее назначение, пренебрегать которым или, более того, ввергать его снова в омут вражды, отныне вдвойне опасно и проклятопреступно в коленах

ОЧУ поделиться в этой связи тем, что было пережито мной и моими собратьями по перу — узбекскими писателями Пиримкулом Кадыровым и Адылом Якубовым в те ненастные дни, когда мы сообща поспешили в Ош в тревоге за сво-

их соотечественников. Возможно, наш опыт послужит в осмыслении конфликтных ситуаций в потрясаемой национальными катаклизмами стране, имея в виду роль интеллигенции, которая все больше вырисовывается как катализирующий фактор,— и в качестве провоцирующей, сатанинской силы, и силы позитивной, консолидирующей, гуманистической значимости

гуманистической значимости. Почуяв слабину в незащищенной диалектике перестройки, провозгласившей как объективную историческую потребность примат возрождения национального самосознания в лоне многонационального сообщества, носители местнопатриотических идей, постоянно внушавшие в своих кругах по любому случаю мнипревосходство, мнимое правопреимущество одного народа над лоугим, воспользоваразжигая рознь, лись этим, возбуждая эгоизм, и это в конце концоз привело к открытым межобшинным столкновениям вначале в Оше, а затем по области, заливая ее кровью стравленных между собой кыргызов и узбеков. Однажды запаленный пожар горел затем самопроизвольно, как лес.

Каким образом в условиях настолько обострившихся отношений могли проявлять себя мы, писатели, ратовавшие всегда за национальные права своих народов и меньше всего ожидавшие такого оборота в эволюции демократической на-

щей еще и поныне, не оставалось места дехканину для выгона курицы. И как долго не могли мы, находясь в идейном самозакабалении, сказать об этом правду. Классический парадокс тоталитаризма. А как известно, нищета да бедность всегда таят в себе семя социального пробил

И час пробил. С ТОЛКНОВЕНИЕ вспыхнуло из-за спорного земельного **УЧАСТКА ПОД СТРОИТЕЛЬСТВО ЖИЛ**городка. Но то был лишь фитиль к яростному взрыву нако-пившихся страстей, так безответственно подогреваемых долгое время одержимыми «адвокатами» анклавных интересов, которые потом, запустив машину погромов, умыли руки... Но когда это произошло, каждая сторона, взывая о помощи и справедливости, воспринимала жертвой агрессии только себя. Каждая сторона считала себя вправе прибегать к ответным действиям, а это вело к еще большей эскалации безумия. Межнациональные конфликты страшны именно тем, что страдания людей воспринимаются каждой стороной только по национальному признаку, в свете своих утрат и претензий, и при этом реактивно вскипает инстинкт слепой мести, порождая самую страшную эпидемию - чуму ненависти, которая, как бешеный поток с горы, сметает в одночасье разум веков. В этом народная трагедия. И каждый, кто рискскрывая слез на глазах, я понимал по себе, что стоило им сдерживать свои страдания. — АШЕЙ главной общей идеей,

ради которой мы отправились в Ош, было воспринимать **узбекско-кыргызский конфликт** не порознь по национальной принадлежности нашей, а как общую беду, не становиться ни на одну из сторон, гореть и болеть в олинаковой мере и за тех, и за других, обращать мысли мятущихся к истокам нашей общности, к совместно выстраданной истории тюркоязычных народов как к единому культурно-этническому наследию и потенциалу, к осознанию нашей национальной ответственности в регионе, в стране, в мире. Тур-кестан не должен превратиться ливанизированный очаг семейной междоусобицы. Только на таких принципах мы могли избежать того, чтобы Кадыров и Якубов стали бы на сторону узбеков, защищая, оправдывая их, а я, соответственно, на контрпозицию, на сторону своих кыргызов. Это было бы самое простое решение, жизнь подсказывала именно такую тупиковую дорогу. Но в подобном подходе заключалась одна из причин межнациональной разобщенности интеллигенции, переросшей постепенно в открыто культивируемую вражду ошских общин. Незнание и сокрытие исторического прошлого, содержавшего и положительный опыт тюркских единений, и тяжкие противорепутниками одного литературного каравана, в котором каждый нес свою ношу, и поэтому Пиримкул Кадыров и Адыл Якубов поняли меня с полуслова, так же, как и я их,—судьба посылала нашим народам, и стало быть, и нам новое испытание. Каждая эпоха приносит свои катастрофы. Да, эта катастрофа была наша, Насколько нам удавалось, мы высевали на страницах книг семена человечности, жизнь же предлагала нам кровавую жатву.

Требовалось идти к той «жатве» с идеей, которая спаяла нас,—с нашнм триединым словом, с тем, с которым человек обращается в душе в часы отчаяния и надежды и к Богу, и к Смерти, и « Свету.

Мы встретились в аэропорту Ташкента, чтобы, не задерживаясь, отправиться в Ош, и с этого часа всюду держались вместе. Те, кто знал нас, думаю, видели в этом некий первый шаг к примирению сторон. Во всяком случае, узбекские руководители, а также лидеры оппозиционных партий «Бирлик» и «Эрк», прибывшие в аэропорт, горячо поддержали нашу «тройственную» инициативу и помогли нам политически в мом главном, без чего наши благие намерения оказались бы тщетными, - была достигнута твердая договоренность: соблюдая неприкосновенность сложияшихся границ, не поддерживать никоим образом, ни официально,

нальное пожарище. Следовало поспешать, ибо и в Ташкенте, и во Фрунзе возниками студенческие митинги, горячие головы требовали от властей транспорта и авиации, чтобы немедленно кинуться в Ош на подмогу своим, «подвергавшимся геноциду». Можно себе представить, что было бы, если власти в республиках поддались такому нажиму.

№ 180

Вслед за Ташкентом следовало поспешать во Фрунзе на реслубликанское телевидение с таким же обращением к кыргызскому народу, с призывом к особой ответственности за события, происходившие на его территории. Об этом же шла речь на объединенном пленуме творческих союзов Кыргызстана. Там тоже бурлили «ошские» страсти, схлестываясь вокруг понятия долга и роли творческой интеллигенции.

□ ТО ЗНАЧИТ встать на защиту своего народа, когда постановка вопроса на другой стороне звучит точно так же? Видимо, это двуединая задача, подлежащая решению всякий раз сообща, исходя из сочетания обоюдных интересов наций, всяхий раз с тем, чтобы способствовать наращиванию цивилизованной мироприемлегости сочтобы умерить временников, пыл общинной вражды, нагнетания страха и навешивания оскорбительных ярлыков. Ибо за актом слова следует акт дейст-

Никто не выбирает себе брать ев и сестер, а принимает их велением жизни. Пора осознать, что нам не жить друг без друга на унаследованном пространстве. Пора подняться ч новому качеству мышления, в котором не будет места национальной кичливости, клановому эгонзму, способствующему наиболее опасному пороку — преступной мафиозности. Надо осудить в себе дурную привычку противопоставления языков, данных нам единой матерью — тюркской культурой. и, кстати сказать, государственность того или иного языка, за который мы справедливо боремся в каждом отдельном случае. имеет смысл тогда, когда рядом существуют и действуют в своих параметрах другие языки. Причем государственный ста-

тус языков обретается в респуб-

ликах ныне не вопреки, как полагают иные, русскому языку, а наоборот, если глубоко разо-браться, благодаря его великой подъемной силе, подобно космическому кораблю выведшей суверенные спутники на свои орбиты. Русский язык остается сопутствующим культурным фактором, на фоне которого идет дальнейшая динамика национальных языков, получивших конституционные приоритеты, хотя, конечно, мы пережили крайне угрожающие моменты языковой ассимиляции. Но повинен был в этом не русский язык как таковой, а наша однобокая национально-выслужническая, подобострастная политика. Если, к примеру, в столице Кыргызстана, в Бишкеке, до перестройки не прибавилось за пятьдесят лет ни одной кыргызской школы к той единственной, которая открыта была в 30-х годах, то повинен в этом был не русский язык, а наши правители, полагавшие, что чем меньше они будут напоминать о национальных проблемах, тем выгодней они будут выглядеть в глазах Москвы. Необходимо отметить попут-

но все более возрастающую лингвоактуальность века - знание современным индивидуумом наряду с родным, являющимся стєржневым языком, такнескольких иностранных языков, становится основополагающим, ведущим требованием эпохи, без чего уже невозможен новый универсальный прогресс нации. Пример тому - лидирующие в мировой культуре европейцы, каждый из них, можно сказать, знаток нескольких региональных и глобальных языков. Тем более в наших условиях чрезвычайно важно широкое понимание вопроса, это касается в полной мере и русского населения в республиках, - новая реальность подсказывает необходимость освоения русскими «коренных» языков, ставших государственными, в этом, помимо всего прочего, - залог стабильности, гармоничности отношений на местах. Пока все это мы не усвоим в общем контексте истории, как новую «алгебру» века, пока мы не осмыслим все пережитое в прошлом и переживаемое в нынешние дни, наши межнациональные отношения будут таить в себе возможности новых

вспышек.

И не должно быть ничего, что нас враждебно разделяло бы, отчуждало этнически. Желанное согласие проистекает из встречных побуждений, а не наобо-

ПОЛЕТ шел ночью. До Москвы вы четыре часа пути. И опять высота, звезды — незыблемые стихии, а внизу мир людей — стихия истории...

Думалось о том, что предстоит поведать в Верховном Совете СССР на обсуждении по ощским событиям. Думалось и о житейских, семейных делах.

вот уже третий год, как жили мы в Москве, и получалось, что и на это лето не придется семейству нашему побывать в родных краях, когда не только в Оше, но и во Фрунзе было объявлено чрезвычайное положение. До поездок ли в таких случаях? Понимал, что дома дети будут очень сожалеть. И разговор об этом уже был по телефону, когда я звонил из Оша в

Москву. Каково же было мое удивление, когда нынешним летом, год спустя после ошской трагедии, прочел я в «Комсомольской правде» о том, что якобы в бытность свою членом Прези-дентского совета я «сподобился» вывезти свою семью из Фрунзе на военном самолете. Не мог я этого сделать — угнать военную машину по прихоти своей, если даже и желал бы. Семья — жена, дочь, сын, теща (87 лет), находилась в тот момент дома, в Москве. То, что членов моей семьи не было на борту того самолета 16 июня 1990 года, могут подтвердить товарищи, следовавшие тем же рейсом с ошских событий в Москву. К чему эта ложь? К чему поспешает газета с непроверенными фактами потрафить обывателю? Неужто обречены мы на веки вечные на безысходную неправду, как на особую форму социального бытования? Казалось бы, покалеченные и изувеченные, выползают наши люди из-под нагромождений зла и лжи прошлого, ан нет, на пути наваливаются новые нагромождения того же свойства, только теперь это делается, в отличие от угрюмости прежних времен, с наглым смешком и ставшим уже привычным сладострастием...

Что же, еще один урок жизни...

И вот минул год, и кружатся ветры на кругах своих... И, не считаясь ни с чем, приходят дни наши с вечным, неизменным вопросом — зачем и так ли мы живем?

И странно, судьба упорно, неотступно пытает нас в большом и малом. К чему бы? К оползню под вселенским вороньим граем или обретению нового места в цивилизованном мире?

BOPOHUM FPAM HALLOHOMSHEM

______ Чингиз АЙТМАТОВ ______

Ошские раздумья, год спустя

духовные инновации, возникшие, казалось бы, на благородных культурно-исторических побужантитезу. Кто мог предполагать, в частности, что узбекское историко-просвещенческое общество «Адолат» и Ошское КЫДгызское молодежное объединение «Ош аймагы» окажутся той самообособленной, амбициозной в национальном смысле средой, которая под воздействием групповой борьбы за микросферы влияния породит со временем межобщинного тизма, благо тому способствовали многие причины, глубоко уходящие в болезненную действительность хлопководческой Средней Азии.

История никогда не бывает иной, чем она есть, как бы мы ни пытались изобразить ее в нужном свете.

Таковым оказался исход социализма в одной, отдельно взятой стране социализма, жившего начало самому тяжкому (наизловещий вариант того полпотовский гражданский геноцид) порождению века тоталитарно - патерналистской системе, крушение которой сопровождается ныне жестокой расплатой за утопии и за сокрытие истинного положения общества. Слишком долго рассматривали мы в иллюзорном свете политику, как божественное предписание, мораль и нравственность по указанию / свыше, экономику, предопределенную свыше, полагаясь на корпоративные призывы и лозунги, изобретенные апостолами партидеологии, освящавших абсурдное право на отрицание и ненависть в мире ко всему, что было не в соответствии с классовой теорией и социалистическим опытом, прилисывая при этом народу умозрительные идеальные качества и забывая о том, что социально-национальнеустроенность и вследствие того озлобленность в стране, к примеру ошан, можно быпроследить, «ВЫЧИСЛИТЬ» даже арифметически. Национальное и социальное всегда в сопряжении — и в моменты подъема, и в моменты кризиса

Что должен был испытывать кыргызский или узбекский чабан, какие прекраснодушные чувства он мог вынашивать в себе, когда думалось ему о таком каторжном раскладе вещей: из 1 кг тонкорунной шерсти, за коей ходить надо круглый год и в зной, и в снег, изготовляется ткань на один мужской костюм. До повышения цен шерстяной костюм стоил в среднем 250 рублей. Из этой суммы лично чабану, производителю стартовой продукции, перепадало соответственно 3 рубля. Разве мог он, кляня судьбу, допускать при этом мысль, что суминуя интернаты с неродным языком, построить дом или купить автомашину, обустроить в сельских пределах молодоженов, обреченно уходящих в город? В чабанском горе, утопленном в водке, уже таился, назревал протест, готовый вырваться в разрушительной форме. В таком же, если не хуже положении находились в Ошской области узбекские и кыргызские хлопкоробы, как и повсюду в Средней Азии. Сколько говорилось об этом — о вопиющей, бесчеловечной эксплуатации самой массовой категории трудящихся, переполняющих густонаселенные районы произволства так называемого белого золота. Да, кому поистине золото — для централизованных ведомственных монополий, а кому жалкие гроши за беспросветный труд, за гигантские хлопковые резервации, где в погоне за дешевооплачиваемой и выгодносбываемой монокульту-

рой, безраздельно господствую-

нет встать между мстящими, становится врагом и для тех, и для других. В этом трагедия примирителя.

... Шел третий час ночи. В здании обкома трезвонили телефоны, все метались по этажам Поступали сведения одно тревожнее другого, армия не поспевала к местам кровавых схваток, милиция же, к великому несчастью, защищала «своих» и побивала «чужих». Но самое страшное — накапливались вокруг очагов конфликта силы вторжения, «народные каратели», идущие на спасение «своих», - возбужденные толпы людей в соседних областях Узбекистана, а в горных районах кыргызского Алая седлались сотни коней. Наэлектризованная масса готова была хлынуть по густонаселенной Фергане, где на каждом шагу поселения... Требовалось средь ночи убедить Москву, Туркестанский военный округ в экстренной необных сил. И все время на горячем проводе Ташкент, Фрунзе...

И не смолкал в душе моей оглушительный вороний грай. И чудилось, что все, соприкасавшиеся так или иначе с ошской преисподней, непременно слышали тот грай над оползнем, в этот раз — над катастрофой людской, над катастрофой разума, рухнувшего в черную пробессмысленной вражды, оказавшейся куда страшнее, чем стихийное бедствие. И обращался я к некоей высшей силе, сотворившей, должно быть, наш мир не для такой судьбы, с тяжким вопросом: кто же мы, люди? Ведь даже звери не мстят друг другу.

Мы ждали утра, чтобы предпринять единственно возможное в нашем необычном на сей раз писательском положении ти к людям со словом. Да, со словом. Конечно, по теперешним крутым, жестко-циничным понятиям, это выглядело наивно, тем более со стороны уже далеко не молодых людей: идти со словом в огонь полыхающего фанатизма? Да заплюют ведь в толпах, закидают камнями! Но мы полагали, исходя из прежних представлений, что наши узбекские и кыргызские читатели, с которыми связывали каждого из нас многие годы и многие книги, одинаково читаемые на обоих языках, зачастую и без переводов, - что, быть может, они, наши читатели, вчера еще с уважением внимавшие нашему слову, прислушаются к нам, страждущим вместе с ними среди горя и отчаяния, и одумаются, остановятся в замахе, и постигнут через наше слово то, что всякий раз является людям, как горькое, столько раз испытанное открытие: в межнациональных столкновениях смешанно живущего населения есть в мире только один выход - безоговорочно отказаться от насилия, от разделительной черты, и любой спор решать только в кругу, только сообща, только разумным лутем на принципах взаимотерпимости, только так. Идеализм? Да! Но другого не дано! Иначе - кровь за кровь, от детей к детям, на долгие времена.

Мы ждали утра, сообща переживая тяжкие вести, но каждый из нас при этом в душе переживал трагедию своего народа с особой болью и остротой. Трудно было унять в себе несмолкающую тревогу, не поддаться гневному зову крови, не обезуметь, не кинуться самому туда, в уличные схватки, чтобы защитить одних и проклясть вовеки других, орудующих во зле, ибо злотворящие, какими бы патриотическими мотивами ни руководствовались, неизбежно возвращают бумеранг насилия своему же народу...

Я видел, чего это стоило Адылу Якубову и Пиримкулу Кадырову, как они страдали, не

чия минувших эпох, привело к взаимному отчуждению людей. Национализм просачивался с невинных, на первый взгляд, культурных склонов - с ревностной монополизации, с приписыпания только своей части имен и деяний исторических личностей прошлого, с отказа другим в причастности к общетюркской духовной панораме. В ответ высказывался глухой нигилизм, происходило размежевание исторического сознания. Не случайно до сих пор не существует написанной сообща среднеазиатской соборной истории для школ и вузов, каждая республика ограничилась лишь своей этнической версией, замыкаясь в ней, как в скорлупе. Возвращение к истокам единого тюркского самосознания после стольких лет запрета, к тому, что вчера еще рассматривалось как происки пантюркизма и жестоко каралось, возымело в той ситуации, так казалось нам, писателям, жизненную актуальность как основы для примирения и восстановления традиционных взаимоотношений между ошскими кыргызами и узбеками.

Приходилось ли думать об этом прежде, в частности нам, писателям, решившимся повлиять на умы соотечественников? Да, приходилось, и если не публично, как в данном случае, то в своей среде мы всегда остро чувствовали политику, недвусмысленная цель которой состояла в том, чтобы не допустить сближения тюркоязычной интеллигенции как целостной духовно-этнической совокупности. Разделять и властвовать, насколько известно, всегда беспроигрышно для владычества.

РОТИВОСТОЯТЬ этому пагубному процессу, формирующему в среде смешанного населения психологию враждебно настроенных национальных ТОЛП, МЫ МОГЛИ В УСЛОВИЯХ УНИтарно-показательного благополучия только в творчестве, только в сфере духовных поисков и осмыслений того, что являли собой в описываемых судьбах людей неподкрашенная история и действительность наших народов. Многое из того было сказано в книгах. Подзапретная философия Корана, запретные темы тяжкой народной жизни, культурной деградации в стенах казарменного социализма, утрата этнических традиций, трагедия национальных языков то, что не могло быть предметом обсуждений в суперподконтрольных средствах печати, -- находили свое подспудное тревожное выражение в среднеазиатских литературах и тем привлекали к себе читателей. Это же сближало и объединяло нас, шедших в русле новых реалистических литератур, в мировосприятии и демократической целеустремленности которых, безусловно, главную роль сыграло влияние русской художественной мысли, ее XIX и XX веков. Это судьба! К тому же в контексте среднеазиатских литератур крупно значится и наследие Востока, пришедшее главным образом от арабской и персидской поэзии, и здесь, естественно, сказалась субрегиональность наша с таджикской культурой. Тоже судьба, и еще один основополагающий компонент, придающий неповторимое своеобразие тюркским литературам, - могучий родовой эпос, алтайский косот «Наскального слова» Култегина до Мухтара Ауэзова, то, что живет, как океаническое течение, со дна, незримое, растворенное в пространстве и времени, но без чего нет и самого «океана» — духовной материи. сцепляющей родственные этно-

сы, как острова архипелага.

Все это я говорю с тем, чтобы стало понятно: когда по ошской тревоге мы оказались у
телефонов между Москвой и
Ташкентом, нам несложно было
между собой. Мы всегда были

ни от имени демократических движений, никаких сепаратист ских намеков. И еще - узбекское руководство просило заверить население Оша в том, что никакие силы родственной «помощи», скопившиеся в соседних областях с намерением вторгнуться в ошские пределы, не двинутся с места, только бы не решились на такой шаг «защитники» с кыргызских гор, на что были также даны заверения. Главное же — только бы остановились, одумались сами ошане, пока не поздно, пока не перекинулся пожар на узбекские земли, где тоже испоко! проживает немало кыргызского населения.

С тем мы и летели в Ош, че-

рез туманные хребты, сквозь сполохи молний жаркого лета. Вместе с нами возвращались на места несколько ошских депутатов-беженцев, присоединившихся к нам в Ташкенте. Да, прежде летавшие друг к другу на конференции, на декады искусств, на юбилеи классиков, почитая подобные мероприятия за исключительно важные дела (пожалуй, в чем-то так оно и было, возможно, нам виделись во всем этом желанные проявления дружбы народов, расцвета культур), — теперь мы лете-ли в ином направлении, в «зазеркальный» мир, теперь жизнь бросала нас в совсем иные обстоятельства, в обнаженные пределы зла, как бы наказуя за былые миражи. - в раскаленную лаву вражды. Да, теперь мы летели туда в экстренном порядке на военном самолете, предоставленном нам Минобороны, и в этом сказалось понимание военными той чрезвычайной ситуации, когда в интересах дела интеллигенция и армия должны были взаимодействовать рука об руку, и, надо сказать, без этой оперативной возможности мы не смогли бы облететь все точки с возвратом вновь в Ташкент в затем во Фрунзе, в нынешний

Бишкек. Вот небо, вот горы — незыблемые стихии, и где-то внизу, в долинах, кипели страсти людские. И с первых минут то, что явилось нашему взору в Ошском аэропорту, пустовавшем, как серая Луна, окруженном на подступах танками, ввергло нас в оцепенение. Наши мысли, доводы и призывы, которые мы готовы были обратить к соотечественничам, показались и вовсе не нужными. И только на улицах в соприкосновении с возмущенными толпами слова наши ожили, включаясь в их бурное, гневное громогласие. Перед лицом яростно кричащих людей, требовавших признать непременно только их правоту — только одной стороны! - и наказать, изничтожить с корнем другую противостоящую часть местных жителей, мы явились как бы затребованные самой жизнью, для того, чтобы принять на себя, подобно громоотводу, эту страшную энергию межнационального раздора, Чтобы напомнить оглушенным от гнева приоритет разума, приоритет вечного кравственного постулата, часто забываемого в истории, - не убий!

С этим мы выступали на Ошском телевидении, как пришельцы, застигнутые бурей в пути, выступали, то укоряя, то вразумляя слушателей, уводя их в историю и возвращая в действительность, прося их лишь об одном — о «крыше» для счастья их же детей. Мы предупреждами их — завтра, когда они одумаются, будет еще тяжелей примириться с тем, что ими солевно

деяно...
Требовалось поскорее поведать обо всем этом по Ташкентскому телевидению, обращаясь ко всему узбекскому населению, напряженно ждавшему вестей из Оша, обращаясь в этот раз с моральными полномочиями от кыргызского народа, на земле которого полыхало межнацио-

Люди литературы и искусства, слово которых предназначено преображению духа человеческого, несут особую ответственность за культуру своего народа, за его действия. Национальная культура не дарсвыше, а неустанная работа мысли и духа. В этом понимании писатель должен быть ведущим, а не ведомым говоруном толпы. Его слово — форма его пребывания на свете.

я благодарен судьбе, что в лице Пирмикула Кадырова и Адыла Якубова, крупнейших узбекских романистов, встретил единомышленников, хотя в душе переживал, что подвергал их опасности со стороны разъяренной улицы. Но как бы то ни было, мы сделали все от нас зависящее, пробуждая в людях взаимное сострадание, а не взаимную ненависть. Я далек от мысли, чтобы приписывать преодоление ошского кризиса писательским выступлениям, нет, наоборот, главную, тяжкую, «черную» работу днями, ночами, неделями и месяцами проделали те люди, которые отвечали за государство, за администрацию, за правопорядок в Кыргызстане. Военные силы безусловно сыграли в этом свою решающую роль. И все-таки наше слово было необходимо.

Как существует земля и существует воздух, так и слово—воздух наш...

Думалось об этом в пути. же при возвращении в Москву. Уезжал одним человеком, возвращался — другим, побывавшим в ином, опрокинутом мире, вдруг открывшемся на страшном, трагическом изломе бытия. Хотелось верить, что разум обладает на пути людском способностью воскресать, вновь страдать и побеждать, открывая себя в себе в новых измерениях ответственности за все, что происходит и в людях, и в окружающем мире, и что в том его неизменная и вечная суть. И не смолкал в душе вороний грай над оползнем ...

Не приходилось сомневаться — впереди предстояли еще многие трудности, изживаемые только со временем. Межнациональные страсти, однажды возгоревшиеся, действуют как незримый радиоактивный смерч, который, к сожалению, не накроешь свинцовым саркофагом, как в Чернобыле...

ЕКОТОРОЕ время спустя один молодой узбекский писатель обратился ко мне со страниц журнала «Столица» с открытым письмом, в котором гневно перечислял акты вандализма по отношению к ошским узбекам. Я понимаю его, разделяю страдания его души, но пусть простит мое молчание публичное предъявление счетов в таких случаях не выход из положения. Точно так же можно выставить и встречный список чудовищных зверств, вынудивших десятки тысяч кыргызских семей кинуться в горы, как это недавно было с курдами, и толь ко военные вертолеты спасли их от массовой голодной смерти. благо стояло лето. Распаляясь раз от раза, взаимопроклятия можно продолжать бесконечно. А что дальше?